

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТРАННАЯ НАХОДКА В СНЕГУ. ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА ПО ВОСТОЧНОМУ ПРЕДЕЛУ

Одной морозной мартовской субботой Элизабет Летин каталась на лыжах в одиночестве, когда заметила клочок пурпурной ткани, привязанный к ветви ольхи чуть дальше по лыжне. Она уже собиралась вернуться в «Зимний дом» — не только потому, что Норбридж, её дедушка, просил её не задерживаться дольше чем на два часа, но и потому, что небо начинали затягивать облака, а Элизабет ещё даже не притрагивалась к домашнему заданию на выходные. Однако ткань привлекла её внимание, и девочка замедлила бег. Это оказался красный платок — единственная вспышка цвета посреди бескрайней белизны, через которую висала лыжня, — прилаженный к суку дерева.

Элизабет остановилась и принялась разглядывать ткань — потрёпанную и явно провисевшую здесь уже

некоторое время. Она потянула за неё облачённой в перчатку рукой — узел не поддавался. Из рта вырывались облачка пара, лоб холодила пот; девочка раздумывала, что раньше никогда не забиралась так далеко, катаясь на лыжах. Она повернулась оглядеть покрытую снегом долину, посреди которой очутилась. Жилья нигде не было видно — только седые ольхи да ели, а далеко-далеко на востоке — вздымающиеся к сереющим небесам горы. Кругом стояла тишина.

«Кто мог привязать платок здесь, в этой глуши?» — подумала Элизабет.

Она огляделась ещё раз, а потом присмотрелась к припорошенной снегом земле. Впереди виднелась цепочка следов, ведущая от ольхи к некрутому спуску за ледяным изгибом ручья ярдах в ста к северу.

Элизабет овладело *ощущение*, её уже привычная интуиция — трепет в животе и гудение в голове, — подсказывающая, что среди этой заснеженной пустоши её что-то поджидает: внезапное открытие, происшествие, которое вот-вот случится, а может, даже какой-то человек.

— Эй? — крикнула Элизабет, не сводя глаз с покато́го холма. — Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не последовало; в верхушках деревьев мимолётно вздохнул ветер, а потом снова воцарилась тишина.

— Это не может меня напугать, — прошептала Элизабет себе под нос.

Она поглубже натянула шапку и снова оглядела лыжню, а потом отстегнула лыжи и зашагала по едва заметным следам.

Сразу после замёрзшего ручья следы поднимались по громадному земляному валу, покрытому снегом, высотой достигающему верхушек ольх. Элизабет влезла вверх на пару футов и остановилась: перед ней раскинулся обширный, лишённый деревьев круг — такой огромный, что даже если бы каток у «Зимнего дома» увеличили в десять раз, он всё равно бы прекрасно поместился внутри. Всё пространство круга усеивали заснеженные валуны. Девочка глядела на нечто, представляющее собой равнину размером с приличный пруд, усыпанную гигантскими камнями и окружённую земляным валом, на котором она сейчас и стояла.

«Что это за место?» — подумала Элизабет.

Следы вели вниз к маленькому свободному от валунов участку, и девочка отправилась по ним. Спустившись, она заметила металлический столб

с ветхой бежевой табличкой, едва различимой как что-то сделанное человеком среди этих снежных камней. Элизабет протёрла очки от налипшего снега и взгляделась в табличку. Оранжевыми буквами — настолько выцветшими, что разобрать было сложно — на ней было написано следующее:

«Опасно! Горнодобывающая компания риплингтона объявляет эту шахту, серебряный коридор, недействующей! Она была запечатана и более не доступна! Ради общего блага мы завалили вход, но мы не несём ответственности за безопасность физических лиц, продвинувшихся дальше этой точки! Развернитесь! Идти дальше небезопасно!»

Элизабет почувствовала трепет в груди. Она знала, что Серебряный Коридор Риплингтона состоит из сотен проходов — заброшенных больше века назад — и простирается от этого места во все стороны под землёй, образуя лабиринт туннелей под самим «Зимним домом». В одном из таких проходов почти три месяца назад Элизабет одолела Грацеллу Зимость, сестру Норбриджа и колдунью, которая попыталась отнять у неё силу; ещё девочка знала, что хоть Грацелла и повержена, её тело по-прежнему лежит в глубине тёмного подземного коридора. По воле какой-то злой магии её физическая форма сделалась не только каменно-твёрдой, но и недвижимой, и Норбридж — в качестве меры предосторожности — устроил ей гробницу на том самом месте, где она лежала, и запечатал те двери в «Зимнем доме», которые вели в шахты. Элизабет осознала, что единственный вход — или выход — расположен на том самом месте, где она стоит, хоть

и заваленный многотонными камнями. Её пробрала дрожь, и она ещё раз перечитала табличку.

Элизабет собиралась уже развернуться, как вдруг ей показалось, что она почувствовала под ногами слабый гул. Он напоминал отголоски далёкого грома, и девочка не была до конца уверена, что действительно что-то ощутила. Она постояла и подождала, не загрохочет ли под землёй снова, но всё было тихо и недвижно.

Подул ветер, и Элизабет собралась уже уходить, когда заметила на снегу в самом центре ровного круга, среди валунов, тусклый пурпурный мазок. Она быстро потрясла головой и положила руку на куртку над тем местом, где покоился её кулон цвета индиго в серебряной оправе со словом «Вера».

— Это не может меня напугать, — сказала Элизабет.

Снова подул ветер, на этот раз сильнее. Элизабет ещё раз поглядела на табличку. Ветер спустился в чашу запечатанной шахты, струясь между валунами, а девочка развернулась и вскарабкалась вверх по склону на вершину вала. Кинув последний взгляд на лишённый деревьев круг, она увидела, что в самом его центре светится тусклый красноватый огонёк. Но это казалось невероятным, а её страх к этому моменту начинал превращаться в панику, так что, сосредоточившись на том, чтобы не упасть в снег, Элизабет кинулась к своим лыжам. Добежав до них, она опять почувствовала, как земля немного содрогнулась. Элизабет замерла и прислушалась. Небо сделалось ещё темнее.

«Гром, — подумала Элизабет, пристёгивая лыжи к ботинкам, хотя она сомневалась, что пропустила

бы вспышку молнии. — Должно быть, это гром».

В очередной раз поднялся ветер, и красный платок на дереве затрепетал. Элизабет дёрнула за него, ломая тонкую ветвь ольхи, скомкала и швырнула в сугроб. Она встала на лыжню и побежала так быстро, как только могла, прочь отсюда, назад в «Зимний дом», параллельно пытаясь выкинуть из головы назойливую мысль: «Что если Грацелла всё-таки не умерла?»

Под землёй снова зарокотало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПУТЬ, РАЗДЕЛЁННЫЙ ПОРОВНУ, КУДА ВЕСЕЛЕЕ

Главным, о чём думала Элизабет, когда мчалась прочь от шахты и красного платка, было то, что ей необходимо рассказать обо всём Норбриджу. Она была напугана — и тем, что увидела, и тем, что из-за этого почувствовала. Она жила в «Зимнем доме» с рождественских каникул: проводила приятные дни в новой школе, вечерами пила горячий шоколад и читала, часами бродила по огромной библиотеке отеля, а по выходным каталась на лыжах или коньках или просто прогуливалась по берегу замёрзшего озера Луны — и всё же её продолжало интриговать нечто заманчивое, что олицетворяла Грацелла, но что Элизабет не могла выразить. Мысль об этом беспокоила.

Элизабет размышляла обо всём этом, когда, спустя пятнадцать минут быстрого бега на лыжах под

усилившимся снегопадом, её снова посетило *ощущение*, и она остановилась. Лыжня впереди раздваивалась, и хотя девочка знала, какой путь ведёт в «Зимний дом», она была уверена, что кто-то направляется к ней по тропе, к которой она только что приблизилась. Она сама каталась по ней несколько раз и знала, что если свернёт на неё, то проедет пять миль на юг и окажется в Хевенворте — где была её школа. Элизабет прислушалась, ожидая, не покажется ли кто, и тут из-за поворота примерно в сотне ярдов выкатился на лыжах человек в серебристой куртке и красной шапке и быстро заскользил в её сторону.

— Элизабет, — окликнул лыжник в тот самый миг, когда она его узнала. — Здравствуй!

— Хайрам! — воскликнула Элизабет, и все её страхи и тревогу последнего полчаса как рукой сняло, потому что к ней приближался учитель-практикант Хайрам Кроули. Они были знакомы уже десять недель с тех пор, как Элизабет начала учиться в Хевенвортской академии, а Хайрам — вести там английский. И хотя он преподавал только по вторникам и четвергам (в конце концов, он пока только учился быть учителем), Элизабет считала, что из него непременно выйдет превосходный преподаватель. То, что ему был двадцать один год, что он учился в престижном университете Брумы в тридцати милях отсюда, что чёрные волосы у него были аккуратно подстрижены, а книг он прочитал почти столько же, сколько Элизабет (включая одну из её недавних любимых, «Тайну соловьиного леса»), только укрепляло её уверенность. Ещё он был весьма мил — достаточно выросшим, чтобы считаться взрослым, но не настолько старым, чтобы совсем позабыть, каково это — быть

ребёнком, даже двенадцати с тремя четвертями лет, как Элизабет.

— Ого, — сказал Хайрам, подкатываясь поближе. — Видимо, все классные люди катаются сегодня на лыжах.

Элизабет рассмеялась.

— Вы из города едете? — спросила она, когда Хайрам притормозил с ней рядом, тяжело дыша. Снег валил уже крупными хлопьями, а ветер задувал всё сильнее. Элизабет сталкивалась с Хайрамом на лыжне возле «Зимнего дома» уже по меньшей мере полдюжины раз и знала, как он любит лыжи.

— Да, — сказал он с горящими глазами. — Очень приятно встретиться здесь с тобой. — Он посмотрел на лыжню за её спиной. — Ты уже возвращаешься? — Элизабет кивнула, но не успела она ничего сказать, как Хайрам продолжил: — Держу пари, твопишься дописать задание по биологии для мистера Кармински к понедельнику.

Элизабет снова засмеялась.

— Я с ним расправляюсь. — Она протёрла очки перчаткой.

— Я еду в «Зимний дом» на встречу с директором, — сказал Хайрам. Элизабет вспомнила, как Норбридж упоминал, что профессор Эгиль П. Фаулз, директор Хевенвортской академии, присоединится к ним за ужином. Мистер Фаулз, весьма, если не чрезвычайно, степенный человек, следивший за распорядком своего дня, то и дело сверяясь с часами, был ещё одной причиной, почему Элизабет нравилось в новой школе. В отличие от школы в Дрире, городишке, в котором она жила со своими тётей Пурди и дядей Бурлапом с четырёх лет и до прошлого Рождества,

учителя и сотрудники Хевенвортской академии, казалось, искренне любили не только предметы, которые преподавали, но и самих учеников. И это Элизабет объясняла себе благотворным влиянием их руководителя — Эгиля П. Фаулза.

— Вы тоже с нами поужинаете? — спросила Элизабет, почти не скрывая надежду, что он ответит утвердительно.

— Если я что и понял за то время, что провёл здесь, — с напускной торжественностью произнёс Хайрам, — так это то, что если Норбридж Фоллс приглашает тебя в «Зимний дом» на ужин, отказываться нельзя. — Он перевёл взгляд на небо. — Но почему бы нам не поболтать по дороге? Не думаю, что солнце собирается показаться в ближайшее время.

В течение следующего получаса, когда лыжню замело свежим снегом, а небо сделалось ещё темнее, Элизабет осознала, как ей повезло наткнуться на Хайрама. Они ехали бок о бок и обсуждали Хевенвортскую академию, «Зимний дом», лыжни, поддерживаемые в должном состоянии, и свою любимую тему: книги. Однако Элизабет решила, что не станет заговаривать о том, что видела прямо перед их встречей: странную заброшенную шахту и красный платок на дереве. Когда она вспомнила об этом, по её телу пробежала дрожь, и ей стало страшно даже думать о том тихом и безлюдном месте внутри чаши старой шахты.

— Ну что, ты читала что-нибудь ещё за авторством моего дедушки в последнее время? — спросил Хайрам, когда Элизабет перечислила некоторые из книг, которые дочитала за пару последних недель.

Один из множества любопытных фактов о Хайраме Кроули состоял в том, что его дед Дэмиен Кроули

не только много лет назад жил неподалёку от «Зимнего дома», но и писал жутковатые и зловещие романы, которые Элизабет просто обожала. Она прочла ещё не все его книги — насколько она понимала, всего он написал девяносто девять, — но надеялась, что когда-нибудь ей это удастся.

— Я только что закончила «У каждой радуги есть чёрная подкладка», — ответила Элизабет. Впереди сквозь пелену снега уже замаячил «Зимний дом» с льющим из окон золотым светом и трепещущими серебристыми флагами с буквой «З» на крыше.

— Мне она очень нравится, — одобрил Хайрам. — Когда оказалось, что лепрекон — на самом деле вампир? Ого. Не знаю, как дедушке всё это в голову приходило.

— Дальше я хочу прочитать «Мрак в конце туннеля».

— Удачных снов, если, конечно, ты сможешь заснуть после этого.

— Думаю, моя любимая — это «Комната отчаяния Колина Дредмейра», — сказала Элизабет.

— Крипота полная, — ответил Хайрам. — А моя любимая — «Малкольм Гастфорд и загадка расширяющегося подвала».

Вот уже год из головы Элизабет не выходила одна странная находка, которую она обнаружила в старой комнате Грацеллы в «Зимнем доме», пробравшись как-то раз внутрь. Комната — входить в которую было строго запрещено — оказалась очень прибранной и, не считая нескольких предметов мебели, пустой. Но в ящике единственного письменного стола девочка обнаружила книгу Дэмиена Кроули под названием «Тайное руководство Анны Люкс», которую

она мельком пролистала и оставила на месте, никому об этом не сказав. Время от времени Элизабет подмывало вернуться в комнату Грацеллы, чтобы снова взглянуть на неё, особенно потому что Леона Спринджер, пожилая библиотечка «Зимнего дома», с которой Элизабет водила дружбу, нигде не могла найти экземпляр этой книги, даже через своих многочисленных приятелей-библиотечкарей. Но Элизабет знала, что не должна возвращаться в комнату Грацеллы — однажды любопытство уже пересилило её, и она никогда не признавалась в этом Норбриджу — так что она сказала себе, что больше туда не полезет.

Элизабет раздумывала, не спросить ли Хайрама о книге про Анну Люкс. Но прежде чем она успела это сделать, они выехали с опушки на открытую местность перед «Зимним домом» и Хайрам сказал:

— Знаешь, профессор Фаулз упомянул, что когда-нибудь ты, возможно, станешь управлять «Зимним домом», учитывая, что ты — следующая в роду Фоллсов. Это правда?

Этот вопрос застал Элизабет врасплох — не потому что она не слышала об этом раньше, но потому, что она ещё не разобралась в своих чувствах по этому поводу. Она любила «Зимний дом» всем сердцем и считала, что ей страшно повезло жить здесь теперь, но мысль о том, чтобы продолжить дело Норбриджа, стать ответственной за отель и за всех, кто в нём есть, была для неё слишком пугающей. Элизабет было двенадцать, и времени ей едва хватало на то, чтобы несколько дней в неделю помогать в библиотеке и вовремя сдавать домашнее задание.

— Не знаю, — сказала Элизабет. — Наверное... — Она почувствовала себя так, как часто чувствовала

в Дрире, когда тётя Пурди начинала допрашивать её о пропавшем носке или о чём-то ещё, к чему она, Элизабет, не имела ни малейшего отношения: вопрос Хайрама поселил в ней тревогу и неуверенность. Она задумалась, что сказать дальше, и свист их лыж, скользящих по снегу, внезапно сделался громче.

— Почти на месте! — воскликнул Хайрам, и Элизабет была рада, что он прервал неловкое молчание. Они и правда приближались к огромному отелю: сквозь снежные вихри Элизабет увидела, как из припаркованной на круговой дорожке перед фойе машины выбираются люди.

— Это там не любители пазлов? — спросил Хайрам, вглядываясь в прибывших.

И действительно, Элизабет увидела мистера Веллингтона и мистера Рахпута, двух джентльменов, на протяжении вот уже двух лет собирающих во время своих приездов в фойе «Зимнего дома» пазл из тридцати пяти деталей, — они помогли жёнам вылезти из машины, а потом направились в отель. Элизабет собиралась уже поприветствовать их, но до них по-прежнему было слишком далеко, да и снег мешал.

— Я думала, они только на следующей неделе приедут, — сказала девочка.

Хайрам мотнул головой в сторону отеля.

— Пойдём поздороваемся.

Элизабет припустила вперёд. Приближаясь к «Зимнему дому», она размышляла, почему прибытие мистера Веллингтона и мистера Рахпута показалось ей таким странным. В голове снова возник образ светящегося пурпурным снегом у входа в шахту. Но тут они с Хайрамом достигли круговой дорожки у отеля, и Элизабет отбросила все тревожные мысли.